

представление об исторической действительности. Но эта пышная и пестрая декорация служит ему лишь для того, чтобы на ее ярком фоне развернуть трагедию, имеющую совсем не бытовой характер.

Определеннее всего это стремление художника воплощено в центральном образе романа — в Зюссе. Автор рисует этого рыцаря капиталистической экспансии совсем не как конкретную историческую фигуру, а как некий полумистический сверхреальный образ. Самые причудливые линии скрещиваются здесь. В большом капиталистическом хищнике художник рассмотрел черты смягченного правдоискателя-страстотерпца, охваченного мечтою о «граде невидимом». Вся книга получает привкус своеобразного «исторического мистицизма». Конкретные очертания исторического быта переплетаются здесь с порывами и устремлениями явно кликушеского характера. Этот исторический роман является типичным продуктом мещанского искусства. Мы имеем в нем своеобразный отголосок экспрессионизма, выражавшего настроения немецкого мещанства в эпоху жесточайшего кризиса. Теперь, в условиях стабилизации, возникают новые варианты, несколько смягченные, но выражающие в сущности тот же пессимизм мелкобуржуазного класса, теснимого капиталистической действительностью.

Роман Фейхтвангера не одинок. Почти одновременно с ним в Германии появился несколько менее прославившийся, но столь же любопытный роман Альфреда Неймана «Дьявол». По своим устремлениям этот роман совершенно сходен с «Зюссом». Взята несколько более ранняя историческая эпоха (Людовик XII и его шут-министр Оливер Неккер) и обработана в тех же характерных тонах «исторического мистицизма», как роман Фейхтвангера. Дело доходит до того, что целый ряд сцен совпадает почти дословно. (Особенно поразительно совпадение эпизодов казни Зюсса и Оливера — можно было бы переставить эти эпизоды из одного романа в другой.) Речь здесь идет конечно не о плагиате, а только о поразительном единстве мирозерцания. Исторический роман в современной Германии становится формой демонстрации мещанской неудовлетворенности, свидетельством о смятении мелкобуржуазного класса пред лицом капиталистической действительности. Здесь — почва «исторического мистицизма», которым пробаваются не только Фейхтвангер и Нейман.

Марсель Руфф. «ЗАДУШЕННЫЕ». Роман. Изд. «Федерация».

М. Руфф в серии романов пытается набросать широкую картину нравов

послевоенной Франции. «На набережной Вильсона» рисует чаяния, возлагавшиеся многими на Лигу наций, и разоблачает всю цепь политических интриг, финансовых и промышленных комбинаций, для которых эта «всемирная говорильня» является ширмой. В «Удушенных» автор вводит нас в жизнь разоренных инфляцией мелких и средних буржуа, чиновничества и интеллигенции Франции, людей, выжитых из насиженных мест, стремящихся в Париж в поисках заработка и обреченных там на жалкое существование. Параллельно с этим рисуется быт разбогатевших крестьян, этих «новых хозяев» Франции. Бедность иобразительных средств и отсутствие социальной зоркости помешали Руффу дать яркую картину нравов. В романе отсутствуют положения, выявляющие индивидуальную и классовую сущность персонажей, контуры которых очерчены расплывчато. Отсутствие социальных прозрений, обилие горестных вздохов по адресу «удушенных» и заключительный утопически-филантропический монолог бывшего поборника идей Лиги наций, Моршо, который мечтает, разбогатев, построить «особый город», где нашлось бы место для всех «удушенных», — обесценивают то небольшое ценное, что в критическом плане заключено в этом произведении. Перевод исключительно неряшлив и халтурен. («Объем его тела увеличивался соразмерно с мечтой, которую он ласкал в своем страстном мозгу» — стр. 86, «Его глаз восторженного бойца... сделался холодным и жестоким» — там же).

«МЕСТЬ МОЛОДОГО МЭ». Роман из китайской жизни. Перевод с немецкого В. Цедербаума. Изд. «Федерация». «Нруг». М. 1929 г. Стр. 291. Ц. 1 р. 70 к.

Наш читатель совершенно незнаком с китайской литературой, одной из старейших литератур мира, и с этой точки зрения можно приветствовать появление рецензируемой книги.

Роман принадлежит неизвестному автору. В Китае до недавнего времени считалось недостойным подписываться под романами как произведениями низкого стиля. Д-р Франк Кун, который перевел этот роман с китайского на немецкий язык, относит его к XVI или XVII веку. И тем более замечательно, что роман затрагивает важнейшие вопросы политической жизни Китая. Произвол высших сановников, имевших неограниченную власть над страной, неизвестный автор показал с большой ясностью. Рядом он показал и те силы, которые боролись за свержение правящей клики и установление справедливости.

Роман читается очень легко, написан живо, интригуяще и местами даже вол-

нует, он знакомит читателя с бытом Китая в период империи.

Надо отметить однако и те недостатки, которые роман имеет с точки зрения обслуживания книгой нашего советского читателя. Красной нитью через роман проходит мысль, что виною всех бедствий является то, что «сын неба» не знает о тех мерзостях, которые творили его приближенные. Лишь только «священный» узнал об этом, он казнил и Лу-Ки и его сподвижников. Затем многие сложные ситуации разрешаются автором при помощи чудес. Все это понятно, если учесть, что книга написана 200—300 лет тому назад и описываемые ею события имеют тысячелетнюю давность. Но это надо было оговорить в предисловии, разъяснить читателю. Предисловие, предпосланное к рецензируемому изданию, построено по привившемуся у нас к сожалению принципу, стремящемуся доказать «архиреволюционность» предлагаемого читателю произведения.

Недостатком является и то, что роман переведен не с оригинала и переведен местами неудовлетворительно.

П. Жув. «ГОСПИТАЛЬ». Перевод с французского В. Н. Крицкой. Изд. «Федерация» 1929 г. Стр. 158. Ц. 75 к.

Десять лет тому назад книга эта имела право на существование. Прекраснодушный французский интеллигент, один из ближайших учеников и последователей Романа Роллана, написал «Госпиталь» в знак протеста против буржуазной цивилизации, породившей войну. Тогда так поступали многие, и жест этот был не лишен известного смысла и даже некоторой смелости. Такие книги, как «Цивилизация» Ж. Дюамеля, очень сходная с книгой П. Жува, имели в свое время значительное социальное значение. Но более чем наивно выглядит этот сверх-гуманистический «Госпиталь» в 1929 г.

Андрэ Моруа. «ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ЭСТЕТОВ». Перевод с французского А. С. Полоцкой. Изд. «Прибой» 1929 г. Стр. 63. Ц. 30 к.

Моруа написал игривую и не лишённую изящества безделушку о фантастической «стране эстетов». Кому-то в издательстве «Прибой» показалось, что это произведение надо понимать как сатиру на эстетизм и на современную буржуазную литературу. И вот книжка появилась в русском переводе, в сопровождении очень глубокомысленного предисловия, «вскрывающего» сатирический смысл игривой безделушки Моруа. Однако достаточно прочесть эту коротенькую книжонку, чтобы убедиться в том, что она является типичным эстетским изделием

и что ровно никаких «сатирических» намерений буржуазнейший, благонамереннейший и самодовольнейший автор не имел в виду. Зачем же следовало тогда предлагать советскому читателю эту пустую книжонку? Произошло, повидимому, досадное недоразумение.

В. Сольский-Панский. «КОЛЕСА». Роман. Гиз 1928 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Вертятся колеса истории», колеса революционной борьбы, и кто хочет остаться праздным зрителем, не участвуя в этой борьбе, тот скорее других поладает под эти колеса и — гибнет... Кедров, русский интеллигент, беспринципный обыватель в Москве, и польский поручик Войтек Врона — оба, каждый по-своему, хотели укрыться от революционной эпохи в уют покойной сытой жизни, а кончили тем, что оба попали под «колеса истории», один — жертвой польской охранки, другой — ее ответственным соучастником, палачом революционных рабочих, и оба одинаково бессмысленно погибли. Психологический путь обоих вскрыт и показан художественно-убедительно, но психология их несложна и неинтересна, сосредоточен же весь интерес романа на самом процессе вынужденного вовлечения их под «колеса истории», и это делает книгу захватывающей и волнующей, а социальную значимость придает роману жутко-правдивое изображение польской охранки и ее «образцовых» международно-жандармских методов борьбы с революционным рабочим движением и коммунистической партией.

Матэ Залка. «ХРАБРЫЙ ПОРТНЯЖКА». Повесть. «Московский рабочий». Год не указан. Ц. 1 р. 45 к.

Это — по признанию автора, — правдивая история о том, как военнопленный мадьяр Ферри Дьесе, по профессии портной, возвращаясь из плена из Сибири, застрял со своим эшеленом в Москве в те дни, когда рабочая Красная гвардия боролась с контрреволюционными войсками Керенского. Ферри присоединился к красногвардейцам как пулеметчик, принимал активнейшее участие во всех кровопролитных уличных боях, прославился своей беззаветной храбростью и сыграл выдающуюся роль в самый решительный момент взятия Кремля. Подвиги «храброго портняжки» описаны шаг за шагом, из улицы в улицу, из переулка в переулочек, описаны точно, до мелочей, будто автор с блокнотом следовал за ним шаг за шагом, и это придает повести большую ценность истори-